

Три уровня бытия

Я различаю в себе три уровня бытия. Это не значит, что их нельзя насчитать больше. Есть лестница, есть верх и низ, есть подъем — «есть ценностей незыблемая скала». Незыблемость ее в том, что она есть, и только. Число и форма ступенек зыблемы до бесконечности. Три можно свести к двум (тогда останется целое и атом — как я описал это в «Двух моделях познания»); можно учесть нулевой уровень, уровень бесформенности, аморфности, мещанского быта, не дошедшего до бытия. С нулевого уровня, при взгляде снизу, все небеса сливаются в одно небо, дальние галактики смотрятся как простые звездочки, почти незаметные рядом с другими, крупными звездами, а самыми большими, значительными и важными кажутся планеты, потому что они — ближе. И можно представить себе на третьем уровне новые различия. Отчасти я буду об этом говорить в конце, но сейчас пишу о другом: о том, что уже совсем сложилось во мне, что стало мной.

Первая ступень — это уровень особи. Вы чувствуете и осознаете себя как предмет, окруженный другими такими же изолированными предметами. Все, что вне вашего тела (и тесно связанного с ним пространства), не слишком затрагивает вашу душу. «Миру ли провалиться, или мне чаю не пить? Я скажу, чтобы мир провалился, а мне чай всегда пить».

Против этой крайности восстает здравый смысл. Если мир провалится, то и чаю не напьешься. Индивидуалист совершенно необязательно глуп (или так раздражен, что рассуждать не способен). Он может быть рассудительным и в меру своей рассудительности — социальным. На уровне особи

Это эссе было написано сразу же после «Двух моделей» из внутреннего протеста против чрезмерного сдвига к рационализму. С ходу я не справился с «третьим уровнем» и в 1964 г. его переделал.

может быть построена мораль (разумного эгоизма). Можно пойти дальше — усовершенствовать эту мораль, ввести в нее моменты игры. Можно рассудить, что стоит авансировать своих знакомых (посимпатичнее) хорошим отношением к ним, не требуя ничего взамен, рассчитывая на то, что жизнь в конце концов заплатит. По большей части так и бывает: авансы создают друзей, и это само по себе стоит гораздо большего, чем все банальные выгоды. Если дружеский кружок охватывает и мужчин и женщин, отношения между ними иногда становятся нежными... Вспыхивают и гаснут романы; какое-то время два атома чувствуют себя одной молекулой. Потом эта связь рвется, но взамен приходит другая, и так может идти вся жизнь — от огонька к огоньку.

На уровне особи может быть даже героизм. Вы принимаете известные правила, и если за проигрыш по этим правилам надо платить головой, вы платите. Не ради чего-нибудь, а просто из уважения к себе, просто потому, что это ваша прихоть: играть по этим правилам, а не по другим. Жизнь — игра. Хороший игрок не захлебывается успехом, не теряется от неудач. Он умеет проигрывать и может быть красивым в проигрыше. Голова его ясна, на губах улыбка, а в сердце покой. Азарт, захлеб, жизнь, поставленная на карту, до полной гибели всерьез, — все это тоже бывает, но здесь игра перестает быть игрой. Это — начало чего-то нового, может быть, высшего; сердце игрока рвется к нему, рассудок боится его. За упоением может прийти усталость, опустошенность, раздражительность. А если вы раздражены, если вы потеряли контроль над собой, то пищи пропало. Начинается полоса безнадежных проигрышей. И чем дальше, тем хуже. Преодолеть свои антипатии, свои комплексы, свои психозы и неврозы — трудно, часто невозможно. Не на что опереться, чтобы вырвать занозу. Нечем отвлечься от боли. Нет резервных позиций, на которых можно сосредоточиться. Приходится рвать с людьми (ставшими невыносимыми), переезжать в другое место, искать покоя в быстрой смене впечатлений — словом, нужны условия и условия, чтобы быть здоровым. А если этих условий нет, вы стали калекой.

Отсюда (для менее сильных натур, стоящих, строго говоря, ниже первого уровня) ценность денег — «привратника внутреннего мира» (Зиммель), борьба за обеспеченное существование, хотя бы за счет других. Первый уровень — это уровень индивидуализма. Вторая ступень¹ — это уровень рода. Вы принадлежите к роду, и смысл вашей жизни в том, чтобы был род. Вы не спрашиваете, почему это надо, как лосось не спрашивает, за-

чем ему пробиваться вверх по реке и метнуть там икру, а если не хватит сил — разбиться о камни. Так надо.

В человеческом обществе безусловные рефлексy (или, как раньше говорили, инстинкты) с самого начала расшатаны. От этого — неустойчивость родового начала, чувство заброшенности (с него, собственно, и начинается человек, даже самый первобытный). И первая культура, которую создал человек, это родовая культура, а потом племенная. В ней все расставлено по местам, проверенным тысячелетним опытом, все прочно закреплено и огорожено табу. Традиция стала псевдоинстинктом человеческого рода. В строгих границах традиции человеческий дух впервые сознал себя и почувствовал свою силу.

Но переход к цивилизации снова все разрушил. Индивидуум вырвался из рода — и оказался в пустоте. (Там, где появляется атом, появляется и пустота. См. «Две модели познания».) Жить в пустоте было страшно, иногда пропущу невозможно. Пришлось создавать суррогаты родовых институтов; но законченный теплый мир племени нельзя было возродить (этот газон надо подстригать тысячи лет, а цивилизации всегда не хватает времени).

Пошли в ход скороспелые абстракции, нужные для того, чтобы при случае посадить вас на ежа; и вы садитесь с чувством исполненного долга, но без всякого энтузиазма. Действительное слияние с целым становится книжной добродетелью — выученным, официальным, недолговечным и смешным. Родовое сознание — в осколках. Родовое пытается доказать свою разумность (это всегда плохо получается), убедить по крайней мере в своей необходимости, но чем больше оно доказывает, тем меньше ему верят. Если верят, то только из страха пустоты. Сильные характеры никогда не мирятся с этим. Дух Прометей, ислекванный коршуном, отказывается от себя, но тотчас вновь восстает. Разум не может подчиниться тому, что сам он создал, — своим теням.

Но родовое, отвергнутое разумом, возникает вновь как иррациональное, как прихоть, как причуда сердца. Полюбится сатана лучше ясного сокола. Полюбится Пиладу — Орест, Ромео — Джульетта, интербригадам — Испания. И все разумное, рассчитанное, летит к черту.

На первом уровне отношения между людьми не идут дальше интеллектуальной дружбы (при которой табачок врозь), флирта, романа (похожего на рыцарский поединок). Чувство собственного достоинства господствует над всем, и все, что сталкивается с ним, будет принесено в жертву.

Уровень рода (в обществе, где род разрушен) — это уро-

вень страстей. Они неожиданно связывают вас с одними и отделяют от других. Вы любите и ненавидите тех, кто любит иначе, вы ненавидите и любите тех, кто ненавидит вместе с вами. Господствующее чувство здесь — любовь к кому-то (или к чему-то) одному, на котором весь свет сходится клином. Смысл жизни — быть вместе с любимым. Чувство собственного достоинства, разум, долг — вообще все ценности, признанные трезвой особью, — отступают на второй план. Разлука с любимым хуже смерти. Гибель любимого в тысячу раз хуже собственной смерти. Если любимого больше нет — ничего нет. Небо раскалывается над головой и осколками падает на землю. Любимый — замок свода вселенной. Когда рухнул замок, своды не могут больше держаться. И то, что они все-таки держатся, — несправедливо, нелепо, ненужно.

Первая ступень — это уровень Аполлона, освещенный яркими лучами разума. Предметы и отношения между ними самостоятельны и отчетливы, и они легко сознаются рассудком. $A = A$. А то, что не может быть освещено, что остается в тени, как бы не существует. Если даже оно очевидно, его надо отвергнуть, как Зенон отвергает движение, как Фарината, сжигаемый адским пламенем, все равно отвергал ад.

Вторая ступень — это уровень Диониса, уровень безрассудства. Бессознательное, поставленное вне закона разумом, непризнанное и невыраженное (как некогда оно выражалось в системе магических действий), вырывается неожиданно, стихийно. Вы сознаете, что рассудок осточертел вам, и ретроградно пихаете его ногой. Разум признает себя простофилей и откровенно следует за чувством. А чувство взлетает и падает как придется. В своих падениях оно бросает вниз, к подпольному человеку, над которым разумный эгоист стоит безгранично высоко. Но в своих взлетах оно приподнимает над рассудочностью и переносит с земли на небо. Мадам де Реналь говорит Жюльену Сорелю: «Я испытываю к тебе то, что должна была испытывать к Богу: благоговение, любовь, страх». И она следует за Жюльеном так же, как Франциск Ассизский следовал за Христом.

Любя, открываешь в другом Бога. И с этим Богом становишься почти физически одним и тем же.

Если любимый не обманет, если он по крайней мере попытается стать тем, что ты в нем видишь; если он постарается приоткрыть в себе зеленую дверь, которую, может быть, и сам раньше не знал, — близость к нему становится мистическим опытом. Не нужно никаких других обрядов, кроме естественной

нежности, прикосновения руки, взгляда, потому что все вещи — метафоры абсолютного; все действия, если они идут из глубины, низводят небесную благодать.

Третья ступень — это уровень непостижимого целого. Вы чувствуете своим телом весь необъятный мир. Маленькое тело с его интеллектом становится только одним из органов большого тела — единственным, которым вы свободно двигаете, вашим главным инструментом, и только. Остальные тоже иногда подчиняются вашей воле, от случая к случаю. Тогда мы говорим о чуде. Но главное чудо третьего уровня — то, что вы чувствуете боль и радость всего вокруг (хотя, может быть, глухо доходящую боль и радость). Вы относитесь к каждому человеку как к своему ребенку и к миру — как будто вы сами, с трудом и любовью, создали его. Это то, чего хотел Христос. Это — уровень бессмертия, потому что бытие, ощутившее себя в вашем теле, не знает смерти. Это — уровень свободы, потому что нет больше ничего вне вас, что могло бы вас ограничить, обусловить.

Есть совершенство фигуры, замкнутой в себе. И есть совершенство угла, разорванные концы которого уходят в бесконечность. Но есть большее совершенство: сферы, центр которой всюду, а периферия — нигде. Первые два совершенства, отрицающие друг друга, сливаются в нем.

Собственно, Бог и есть этот идеал, выросший в душе, познавшей свое большое тело. Это образ, метафора, ее нельзя «реализовать», принимать буквально. Но за этим образом что-то есть, хотя это «что-то» нельзя констатировать как факт, нельзя описать языком науки. «Язык атмана — молчание» (Шанкара). И больше того: только это «что-то» и есть, все остальное — *существует, существует* как тень его бытия.

Надо понять, что вообще *есть*. Есть ли камни, моря, звезды? Они устойчиво существуют, устойчивей, чем мы, но ведь существование — только инерция бытия. Подчиняясь второму закону термодинамики, камни, моря и звезды медленно перестают быть. Даже система координат пространства и времени, и она конечна. «Времени больше не будет». Массы материи, свитые в галактики и рассыпанные, как звездная пыль, — только массы шлака из плавильной печи бытия. Только в живом проявляется движение, которое можно назвать движением бытия (или движением к бытию), — движение, противоположное тепловой смерти, энтропии. Но живое существование еще очень неполно, несовершенно, очень хрупко. Это только восход бытия. И Бог — это то, к чему оно вос-

ходит. Бог — просто образ бытия, бытия без всяких скидок, бесконечной полноты бытия.

Бог так же реален, как цвет. Без человеческого глаза нет зеленого, красного, синего; но зеленое, красное, синее обнаруживает что-то, не зависящее от глаза; точно так же наш внутренний глаз видит бытие целого, полноту бытия как Бога. Разница только в том, что дальтоники внутреннего зрения больше, чем обычных, клинических дальтоников, едящих синие груши.

Это бытие есть. Мы можем его чувствовать в иные минуты, часы, дни можем совершенно сливаться с ним. Есть люди, которым удавалось никогда не терять контакта с ним, даже погружаясь в области неполного и несовершенного бытия, всегда всплывая к нему снова, как легкое тело всплывает на поверхность воды, лишь только перестают давить на него. Мы можем сделать свою душу легкой и способной неуклонно всплывать на поверхность воды в каждое мгновение, в которое на нее ничто не давит. Надо только освободиться от груза пустяков, прилипших к нам, не признавать эти пустяки своими, своей сущностью, не позволять частностям заслонять целое.

Есть только Целое. И наше бытие — его бытие. Оно безгранично больше нашего интеллекта — как храм Сент-Экзюпери непостижим для камня его стен. Ощутим, но непостижим. Мы можем назвать его абсолютным, единством атмана и брахмана, ничто всех качеств, всего конечного, не тем и не этим — или образом: Бог. Образом, который всплывает из глубины души, когда она освободилась от всякого знания и всякого желания знать, когда все частное в ней замерло. Нельзя назвать то, что не имеет имени, что разум может почтить только молчанием. Ибо на языке разума все двойственно (если не множественно). И там, где назван Бог, назван и дьявол. Но Бог, рождающийся в свободной душе, — неназванный Бог, Бог-дух — один.

Господствующее чувство на третьей ступени — то же, что на второй, и в то же время совершенно другое: как будто река вдруг потеряла берега и стала морем. И все камни, поднятые ею в горах, улеглись на дно.

Эту любовь незачем искать, ее не надо завоевывать. Она всюду, и достаточно быть живым, чтобы она прикоснулась к нам. Наоборот, надо совершенно потерять человеческий облик, чтобы волны ее нехотя обошли тебя, оставили в стороне.

На этой ступени нельзя спрашивать, по ком звонит колокол. Он всегда звонит по тебе. Каждая душа, оставленная своим телом, привязывается к твоей, вливается в твою душу, передает тебе свою любовь, свою боль, свою тайну. И ты идешь, пе-

регруженный ими, и не хватило бы десяти тысяч жизней, чтобы сделать все, что ты хочешь, что ты не можешь не сделать — и знаешь, что не одолеешь.

* * *

Жить на третьем уровне — не значит отказаться от первого и второго. Так часто думали в прошлом, но это не так. Пласты бытия должны быть взрыты, сдвинуты, чтобы взросло семя, брошенное в них. Совершенство первого и второго уровней должно быть нарушено, но не разрушено. Благословенна не почва, оставленная в стороне плугом, и не почва, превращенная в пыль: она ничего не родит. Говоря языком образов, Бог хочет вспахать, а не уничтожить. Истины особи и рода, разума и страсти продолжают жить в Нем. Они теряют только свою законченность, начинают светиться чем-то большим, чем они сами. Третий уровень не вне первого и второго, а внутри их. Это — пауза бытия, в которой всплывает целое, бесконечно большее, чем все отдельные звуки. Вынуть ее из музыки нельзя. Сами по себе они ничто.

Это не уровень, как все другие, сколько бы их ни было. (Можно насчитать их 22, учитывая все варианты, и 122. Третий уровень всегда остается третьим лишним.) Это — выход за пространство и время, за все рамки. Выход и присутствие в них во всех. Попросту выйти — значит перейти с одного места на другое; а выйти за место, за время — значит присутствовать в месте и во времени, но как-то по-новому. Выбрасывается сетка координат, вынимается решетка из окна. Мы ничего не хотим схватить ни руками, ни умом. Просто входим в мир и видим его таким, какой он есть.

«Как это удивительно, как это сверхъестественно, как чудесно! Я таскаю воду, я подношу дрова!» (Пань Юнь).

Физический труд, «грязная работа» раскрылись как «чаша, полная чудес». Чудо — вовсе не нарушение закона (осечка ничуть не чудеснее выстрела). Это — бытие по ту сторону закона и нарушение закона. Там, где нет забора, нет и дыр в заборе.

Всё — чудо. Всё — Бог.

Это — уровень совершенной легкости и совершенной завершенности. То, что тождественно миру, свободно, не определяется ничем внешним и в то же время лишено собственной воли. Рамакришна сказал: «Бог, один Бог дает все. Вы можете сказать, что в этом случае человек свободен от ответственности. Но это неправда. Если человек твердо уверен, что только

Бог деятель и что сам он ничто, тогда он никогда не сделает ложного шага».

Примерно то же сказал Августин: «Полюби и делай что хочешь». Полюбив, перестаешь думать о своем. Думаешь о том, что любишь. О мире, о Боге (все равно, как это называть), о жизни. И хочешь того, что оно диктует, насколько ты можешь понять его язык.

Да будет воля Твоя, а не моя.

Все проблемы жизни остаются, но они теряют вязкость, перестают запутывать. Всегда есть прибежище в несотворенном, неразрушимом, в том, что большинством людей вовсе не ощущается, что для них — ничто.

Время остается, но оно легко. Заповеди остаются, но не как внешний, а как внутренний закон, и охраняет его не страх, а любовь. «Совершенная любовь изгоняет страх».

Никто не мешает нарушать все десять заповедей, и знаешь, что иногда придется сделать это: порвать с отцом и матерью, полюбить жену друга. Но не сделаешь этого до последней крайности, схватившей за горло. Потому что грех, даже если нужно принять его на душу, остается грехом. Всякий грех, даже тот, не сделать который было бы бóльшим грехом, трусостью, низостью, раскрывает ворота зла. Иную старушку не только можно, — надо убить. Никто не бросит камня в полковника Штауфенберга. Но вслед за старушкой идет под топор Лизавета, и если не под твой собственный, то под топор другого. Ты ввел в мир убийство. Все вакханалии зла начались с *необходимых* действий, с жертвы, принесенной на алтарь *исторической необходимости*.

Поэтому каждый грех требует искупления, и не только внешнего, обрядового, а всеми силами души. И жизнь на третьем уровне — не только вечная радость, но вечное страдание, искупление грехов, чувство вины перед каждым, которому не можешь помочь, кого ударил и обидел, не мог не ударить и не обидеть. И еще какой-то вины, которую нельзя описать, если не сказать: вины перед Богом. Потому что ты Его бьешь, кого бы ты ни ударил. И если ты не чувствуешь этого, ты не знаешь Бога. Это одно из самых главных имен Его: *Тот, Кого ты бьешь, кого бы ты ни ударил*. Я не говорю: не твори зла, не бей. Нет, бей, если это нужно. Но помни, кого ты бьешь.

Нельзя сделать ни одного шага без зла; но нельзя привыкать к этому, оправдывать себя, перестать чувствовать зло как зло.

Смертный грех — самодовольство, респектабельность, самооправдание логикой, необходимостью и прогрессом. Дьявол

— логик. Дьявол — тень Бога, логическое следствие того, что было истинным вчера, позавчера. Бог каждый день рождается новым, каким Он сегодня нужен, и вступает в борьбу со своим собственным следом, инерцией, тенью. И в этом Ему надо помочь, вступить вместе с Ним на весы мира и уравнивать тяжесть, тянущую мир к гибели.

Шредингер определял жизнь как отрицательную энтропию. Схоластики определяли Бога как чистое действие. Я понимаю это как вечную борьбу со своей собственной тенью. Зло — инерция добра. Все, что становится инерцией, становится злом.

Бог — это вечная смерть-воскресение. То, что было вчера, должно умереть. И величайшие враги Бога те, кто не дает свершиться делу смерти. Ибо только смерть попирает смерть, ибо только смерть открывает путь воскресению. Человек должен умереть, чтобы родилась икона, и икона, свободная от человеческих слабостей, завершила его.

* * *

Нет никакого пути, который ведет к истине. Есть пути, которые проходят близко от истины. Но чтобы войти в истину, надо свернуть с дороги, самому проложить след. Все чужие следы ведут в тупик. Ибо они достигли истины когда-то и где-то, а не здесь и теперь.

Даже прекращение инерции, понимание, свобода становятся инерцией, непониманием, запутанностью в символах, потерявших смысл. «Тот, кто ищет спасения в нирване, связан нирваной. Тот, кто ищет спасения в пустоте, связан пустотой». Даже в слове «воскресение» есть инерция. И эта инерция вытеснила Христа. Она заставила думать о будущей жизни, вместо того чтобы воскреснуть в этой. Она увела людей от Царствия Божиего внутри нас к поискам теплого места за гробом.

Собирать сокровища на небе — не значит собирать что-то для себя. Воскресение — это не мое воскресение. Все мое должно затихнуть или сгореть, чтобы воскресение началось. То, что воскресает, — это не я в чем-то, а кто-то во мне. Обо мне пусть думают другие, если им нужно. А я хочу, чтобы во мне воскресли те, кого я любил. Чтобы во мне жили те, кто умерли. Чтобы я был только сосудом, фонарем, в котором светит их свет.

Смысл внутренней собранности на иконе не в том, чтобы икона помогла нам, а в том, чтобы мы помогли ей, дали ей воскреснуть в себе и этим, но только этим спасти что-то в нас самих. Те, кто вслед за нами умрут ради нее и после нее, дадут ей воскрес-

нуть в себе, вместе с ней воскресят и ту частицу нашего бытия, которая бессмертна. До тех пор, пока будут люди на земле. Главное все же не в этом. Главное, чтобы жило бессмертное — и не ради нас, а ради себя самого, чтобы оно сегодня жило, хотя бы завтра разверзлась земля. И только через смерть личности, через мою смерть может воскреснуть Бог. Мне нужно умалиться, чтобы Он возвеличился. Мне нужно, чтобы Его, а не мой образ остался. Мне совсем не нужно личное бессмертие. Мне нужно только сочувствие. Такое же большое и большее, чем горе, — чтобы горе растворилось и потонуло в нем. И все это человек может дать человеку. Если он достал до глубины собственной души, до тысячелетнего царства праведных.

Остальное — прах, и пусть он истлеет. Человек — существо, которое живет в нигде, только в никогда находит свое завершение, свою вечность. Без этого «нигде» и «никогда» он — только двуногая скотина (или машина). И пусть рушится все, что нашло себе время и место, — Царствие Божие не от мира сего.

...Из запутанности рождается свобода, из свободы — любовь, из любви — новая запутанность. Но каждый проделывает этот круг по-разному. Большинство — почти не вылезая из запутанности (некоторые — совсем не вылезая; разве в детстве). И только немногие проходят через царство Люцифера легкими, неслышными шагами, не запутываясь в его соблазнах. Как хотел Лаоцзы, как шел по водам Христос.

1962-1964

Примечание

¹ Вторая — по пути к реальности. Исторически она, наоборот, первая. Но в моем развитии разум предшествовал страстям, создающим родовые связи.